

«Вы, верно, не задумывались над тем, что каждый из нас в большей или меньшей степени может быть Творцом? Ведь принимая те или иные решения на работе; просыпаясь не в восемь, а в шесть утра и успевая на два дела больше, даруя кому-то с виду пустяковый совет, говоря единое слово, вы способны перевернуть жизнь другого, а того глядишь, и всего племени людского.

Одно слово. Как велико его значение, смысл, семантическая нить, вдетая в каждый слог, каждый звук, произносимый нашим речевым аппаратом, выдуманый из ничего. Внезапно возникший в голове образ, идея, мысль, породившая всего одно слово. И так всегда. Эти невероятные связи, бушующие в чертогах разума, эти звенящие мелодии, напевы, зависящие и от настроения, и от глубоких познаний в разных областях, и от собеседника, даже если это всего лишь вы.

Вы. Если в вас есть сочетание вышеперечисленного, то определенно ваше внутреннее «я» является лучшим собеседником на различного рода темы. Другой вопрос, а нужны ли вам эти разговоры с самим собой? Сейчас в этом «обществе дурного тона» никому нет дела до вас. Вот есть ты или нет, не важно. Если несешь какую-то пользу, работая на заводе – видимо, ты будешь бесполезен. Если вдруг повезло, и ты стал известен, если ты идол, и с твоим фото засыпают в обнимку фанатки, да, ты переходишь в другую группу, видимых, но бесполезно-полезных...

Как много в этом сложном слове ужасно-страшного. Во втором случае, когда ты идол, и ты живешь сейчас, ты, скорее всего, полезен только сегодня. Но стоит тебе уйти, исчезнешь, на смену придут другие, еще лучше, еще более бесполезно-полезные звезды, загоревшиеся, чтобы погаснуть. Но в чем разница между первыми и вторыми? Между бесполезными просто и бесполезно-полезными?

Каламбур моих мыслей, не более...»

По тротуару вдоль бревенчатого трактира шагал старик. Его живые резкие движения никак не были характерны для преклонного возраста. Казалось, это не восьмидесятилетний дед отстукивал деревянной тросточкой плохо уложенный камень, а сгорбившийся юноша, надевший костюм дряхлого пенсионера.

А одет он был и правда весьма странно. Поверх черной водолазки был накинута клетчатый пиджак, а на нем потертая временем кожаная куртка. На голове джентльменская шляпа с двумя рваными дырами на затылке, лицо покрывала трехдневная щетина и целые ряды морщин, эдакие борозды времени, изрубившие лицо старца.

Но главным достоинством лица, пожалуй, самой яркой и такой же нехарактерной особенностью, как и телодвижения, были глаза. Чистые, ярко-голубые, пронзительные и от чего-то беспокойные, глядящие то далеко вдаль, ловя силуэты дальних построек, то совсем близко, упираясь в

проходящих мимо фантомов. На ногах дед носил такие же потертые, как и все его остальное одеяние, кеды и широченные брюки на старинном, настоящем кожаном ремне.

Никто не знал, где он живет, кто его друзья и вообще есть ли они у такого. Люди сторонились его, считали отбросом, мусором, который никак не сойдет на тот свет. А вслед этим мыслям сам старик считал так же. За почти век жизни он повидал много больше того, что не снилось и не думалось молодому поколению. Вот даже эта простреленная шляпа. Бандитская пуля девяностых просвистела прямо по затылку, оставив глубокий шрам на память. Водолазка, подаренная другом за день до его смерти в горячей точке. Кеды, что старик хотел подарить внуку, но тот улетел на другой край света вместе со своим отцом, забывшим, что где-то здесь, в сибирской глуши, еще теплится сердце старого батьки.

Еще ходят ноги, и гнется спина, взрастившая сына...

Но дед не винил его. Возможно, это было целью старшего поколения – выкормить новое, чтобы то не видело ужасов войны и беспредела, жило в достатке, купалось в роскоши и не думало ни о чем. А что до него, кто знает, все под Богом, может, за такое и даст еще годика два жизни. А может, и заберет за какой-нибудь грешок молодости.

Куда шел он сам, и правда было тайной даже для него. Еще утром, часов так в пять, он загорелся желанием сходить в трактир, найти случайного хмельного собеседника, самому, чего греха таить, пригубить кружку-другую. Благо на это пенсии ветерана труда хватало. А там глядишь как пойдет. Может, вернется назад домой, может, случится неладное, и не станет старика Тараса.

Вот уже десять лет как привык он жить от случая к случаю. Потратив лучшие годы на поиск смысла жизни, буквально кипя животворящей энергией, молодой Тарас работал на благо родины, чтил традиции и переваривал умные книги. Ведя такой двойной образ жизни, он пытался перехитрить систему тогдашнего строя и найти лазейку в лучший мир, желая путешествовать, открывать новые земли, открывать самого себя. Но не все так безоблачно...

В один прекрасный зимний вечер нагрянули на квартиру передовика труда комиссары и без суда и следствия отправили валить лес. А ведь всего-то одно предложение, произнесенное вслух за неделю до этого на заводе – и все, нет человека. Нет ни здоровья, ни семьи, ни жизни. Лишь вехи на деревьях, кровавые мозоли и воспаление легких. Но дух сибирский вынес и это. Даже через десять лет мечта не угасла совсем, остался лучик надежды, но и тот был добит.

Случай этот оставил глубокий отпечаток на жизни старика. Вернувшись домой спустя годы, Тарас не принес того счастья, которое грело его все холодные ночи в землянке. Жена не то что обрадовалась, прямо с порога прокляла поседевшего, сгорбившегося мужика. Гневные речи остановило маленькое чудо, выбежавшее навстречу Тарасу:

– Мам, это он?

– Он самый! Ты посмотри, посмотри на него! За десять все пятьдесят дал! Черт ты окаянный! Тьфу! Говорила тебе, что до добра не доведет, что тогда умоляла тебя на коленях бросить мысли эти твои, что... Эх, черт тебя задери!

В тот же самый момент красный угол комнаты, где хранился ларь с ценными вещами и книгами Тараса, потемнел. словно кто морок напустил. Уставшему Тарасу это показалось за галлюцинацию, ноги стало

подкашивать. Опершись на бревенчатую стену, мужик сполз на пол, схватившись рукой за щеку.

— Что? Плохо? Небось заразу какую притащил!? Павлик, беги сюда!

— Мам, не пойду, — уперся мальчик. — Там что-то есть?

— Да где? Где, черти вас затаскай!?

Сперва лицо Тараса схватил ужас, а затем и лик жены застыл в ужасной гримасе. На миг мужу показалось, что за ее спиной кто-то стоит, сверкнули кошачьи глазки, прошел неприятный смешок, и жена пала замертво.

Не стало той единой кровинушки, ради которой была эта самая мечта о лучшей жизни. Не стало великого желания вырваться за пределы страны и найти свое истинное место. Лишь ребенок восьми лет, который тебя и знать толком не знает, только по фронтовой фотокарточке. И что ты? Кто ты? Куда ты? А нет тебя, есть огромный механизм реальности, только что перемоловший тебе последние кости, накрепко зажевавший своими зубьями на самое дно.

Остается жить. И уже не для себя или мечты. Для того, кого ты породил. А со временем приходит идея воплощения мечты в нем. Своем продолжении. Года идут, и ты настолько сильно привязываешься, что начинаешь противоречить самому себе и в итоге уже не хочешь отпускать вновь загоревшуюся мечту. А она с первым же удобным рейсом снова уносится от тебя.

И нет. Все. Ты один.

В трактире с утра было на удивлениелюдно. Подходящий собеседник нашелся сразу. Звали его Максим Максимыч. Тоже дед, такой же брошенный и не нужный, разве что моложе на десяток лет.

«И вот она, родственная душа. Хмель взял свое. Помутилось в глазах, язык стал мягче, живее, можно было и душу открывать. Вот он, еще один бесполезный человек. Видимый. Но на самом деле сейчас он весьма кстати мне. Эх, так и выходит, что все видимые бесполезные люди на самом деле не такие уж и бесполезные. Напротив, даже очень, просто нужен тот самый верный собеседник, например я, и обстановка — трактир, и ситуация жизненная. Все. Водночасье два бесполезных человека стали вполне себе полезными.»

Он долго рассказывал о том, как когда-то тоже трудился на заводе, правда в другом городе, о том, как его занесло сюда, как пытался найти место, да так и остался не у дел. Я же поведал свою историю, на которой уже и язык смозолил, да только вот каждый раз легче становилось. Высказываясь, я снимал с себя кандалы, снова ощущал себя полезным, хотя бы для запойного бродяги, и неважно, кто он, откуда, хмель все заберет. И человека, и память, и сам факт разговора. Важен момент, важно то чувство, с которым ты провел время.

Но в этот раз я не испытал этого. Ничего из того, что было раньше. И то ли от напитка кисло-горького, то ли слушатель попался невнимательный. Мой личный, строенный годами механизм подвел!

— И вот ты понимаешь, сволочи они! Все они... да и ты со своим механизмом... Бесполезные!? Да кто ты... судья в оборванках! Вот ты кто!

В груди зажегся огонь. Сначала меня это даже ободрило, но потом все тело затрясло, в голове возникла внезапная вспышка гнева. Тело перестало слушаться меня и ни с того ни с сего правая рука, крепко державшая стакан, ударила собеседника по голове. За миг до этого в глазах совсем помутнело, быть может, моей руке токаря не понравилась язвительная фразочка мужика или бес попутал, но одного удара хватило, чтобы тот

пал и уже больше не поднялся. Еще с полминуты глядя на содеянное, я пытался осознать, что натворил, и наконец понял.

Убийца!

Убийца! Загремело в голове. Хмель вылетел через уши, прочистив их так, словно полжизни я ходил с ватой. Народ зашумел, сперва все приняли произошедшее за мелкую стычку, но потом в полумраке один из рядом стоящих заметил блеск некой жидкости, но должной реакции не произвел, вообще никакой. Молодежь, да и взрослые как-то странно восприняли произошедшее. Будто так и надо было, будто бы так и было запланировано. Знали заранее, были готовы... В ум лезло всякое, а тем временем двое крепких мужчин подошли к лежащему, проверили карманы, вытащили старый кошель, взяли за ноги и руки старика и понесли куда-то вперед ногами. Позади раздался еле слышный голос: «Беги, иначе те двое и тебя вынесут».

Уже выходя из трактира, я призадумался о том, чьи были эти слова. Быть может, плод моего воображения? Ведь позади была глухая стена трактира».

Трактир был давно позади. Нервничавший дед Тарас присматривался. Силуэты, проплывавшие мимо, казались мыльными, из глаз то и дело текли слезы. Сам дед чертыхался через каждый шаг, и дело не только в совершенном убийстве, а в голосе.

«Чего, старый дурак, совсем из ума выжил? Какие голоса? Век не слыхивал, и сейчас показалось! Это состояние аффекта! Черт меня побрал потащиться в этот трактир! Душу, видите ли, излить захотелось! Ну как, Тарас Иваныч, излил? А это ведь все проделки черта! Нашел-таки время! В церковь не сходил... Веру променял на стакан!»

Дойдя до перекрестка, старик странным образом замер. Костыль остановился в нескольких сантиметрах от земли, глаза с особым вниманием вытаращились вперед, рот был немного приоткрыт, и вообще вся стойка выражала невероятное удивление, как если бы земля перед ним разверзлась, и из нее вылетел сам Люцифер.

«Так вот значит как... Хох, ха-ха-ха, пришла-таки. Ну что ж, видимо, так надо! Принимай своего, дорогая».

Старик продолжал видеть на перекрестке что-то, что виделось только ему одному. Истеричный смех сменился глухим молчанием. Горел красный, пешеходы ждали своей очереди, но он, словно идя на зов Сирены, пошагал напрямик в центр, к объекту своего внимания, но не дойдя до середины, бросил костыль и рукой схватился за грудь. Последнее, что он видел, это осеннее небо в белых тучах и двух черных птиц, летящих куда-то далеко-далеко, прочь от города и земли. Тело же мгновенно окаменело с протянутой куда-то вперед рукой.

Еще долго машины объезжали «умершую статую», пока кто-то из прохожих не вызвал скорую. Видимо, не перевелись еще полезные «видимые» люди для таких же полезных.